

Человек не определяется тем, как он родился, независимо от того, насколько сильно люди хотели бы отстаивать именно это. Людям становилось нехорошо с той секунды, как свет мог коснуться их кожи. И при этом они не были злыми. Эти маленькие существа находились в серой зоне жизни и, вероятно, останутся там на десятилетия вперед.

Это не означало, что дети не могли совершать ужасные поступки, действия, которые можно было бы считать совершенными самим дьяволом. Дети в возрасте до десяти лет прекрасно справлялись с террористическими актами, убийствами, поджогами, пытками и грабежами при дневном свете. Это было не так, как если бы природа остановила эти действия по умолчанию или что-то в этом роде. Любой человек с ножом был более опасен, чем безоружный. Трой видел много детей в этой возрастной группе, каждый из которых держал в руках автоматическую винтовку. Они проржавели, их невозможно было использовать ни для чего, кроме тупого оружия. Это не означало, что эти придурки не пытались блефовать, как будто у них это получалось.

В прежние времена, когда Трой еще жил со своей матерью, все было... жесткий. Не для себя. Нет, у него было больше, чем должно было быть в той ситуации: их марки приносили более чем достаточно еды на стол, а арендная плата была выплачена на долгие годы. У тех, кто жил рядом, не было таких же условий на руках. Большинство из них остались без денег, без еды, и единственное, что удерживало владельцев от того, чтобы выгнать все население района из арендуемых домов, - это законы, принятые для борьбы с бездомностью. Каждый прошедший день только увеличивал долги тех, кто там жил.

Владельцы магазинов даже не взглянули на тех, кто был в долгу. Если бы у человека был прикрепленный багаж, ни одна работа не захотела бы его нанимать. Если у людей были долги, это означало, что их что-то удерживало. И они, безусловно, так и сделали, поскольку любые заработанные деньги мгновенно забирались теми, у кого были самые быстрые руки. Людям даже не разрешалось просить милостыню о еде, их строго предупреждали, если они хотя бы говорили "пожалуйста".

Те люди, которые жили рядом с Троей, скорее всего, никогда не вырастут из того места, где они были. Им не разрешалось никаких настоящих развлечений. Эта штука стоила денег. Деньги, которые им не разрешалось иметь достаточно долго, чтобы они даже не заметили, что они у них есть.

В той ситуации ни у кого не было социальной мобильности, ничего, что могло бы скрасить их дни. Накапливаемый долг обменивался между властью и имущими, как обычные наличные деньги, и они знали, что он останется навсегда. Любые дети, принадлежащие народу, окажутся только в подобных ситуациях. Долги передавались из поколения в поколение, как старые проваливались на несколько футов под землю.

Группа, с которой вырос Трой, была навсегда обречена, вынуждена страдать за преступления людей, которых они никогда не встретят. Было ли это справедливо хоть в каком-то смысле? Эти люди не просили о том, чтобы родиться в мире, где их родители были в долгах, они не делали никаких смиренных просьб о том, чтобы быть сбитыми любым возможным бизнесом, и они, конечно же, не соглашались на ту пытку, которая называлась жизнью. Самоубийство не было возможным способом спастись. Они просто достаточно скоро придут в себя, и вскоре после этого будут разосланы медицинские счета.

Не иметь детей, чтобы взять на себя бремя после них, тоже не было вариантом. Сборщикам долгов нужен был кто-то, на кого можно было бы ткнуть пальцем, и закон уладил эту часть дела. Рядом со взрослыми всегда будет ребенок. Можно было бы назвать это принудительным

усыновлением. Трой не сомневался, что люди нашли для этого более элегантное название, которое почти оправдывало то, насколько жестоким оно было.

Система, которая окружала их всех, заставляла это происходить, и ничто никогда не могло победить ее. Случай Троя был уникальным: его семья была очищена от всех долгов по чистой случайности. Его отец оказался не в то время не в том месте, и все же люди восприняли это как несчастный случай для невинного человека. Пожертвования, безусловно, заставили его мать замолчать и не говорить никому правду. Им позволили жить в безопасности, но ни у кого другого, кого они знали, не было такого комфорта.

Взрослые, вынужденные быть родителями, лишены каких-либо отвлекающих факторов, кроме глухой стены, и ожидающие, что они будут полноценными членами общества, которое их ненавидит. Неужели так трудно было понять, почему все они стали постоянно злоупотреблять наркотиками? Они хотели вырваться, хотели такой высокой дозы, чтобы ничто не могло позволить им вернуться. Они хотели, чтобы безумие поразило их, чтобы оно, возможно, позволило им жить в заблуждении, менее удручающем, чем то, в котором они находились сейчас. С этими людьми обращались как с мусором, разбрасывали их повсюду, как мусор, и из-за этого они вели себя как мусор.

Трой помнил, как ненавидел каждого из них, ненавидел то, как они обращались со своими так называемыми детьми, и ненавидел то, как они гримасничали каждый раз, когда видели его. В него бросали мусор, выкрикивали слова, придумывали ложь под влиянием момента. Каждый раз, когда он думал, что обрел нового друга, другие люди его возраста говорили ему, что им больше не разрешается находиться рядом с ним. Финн был единственным, кому родители этого не сказали. Хотя, возможно, это было потому, что двое взрослых так и не поняли, что маленький мальчик с самого начала крутился вокруг Троя.

Это похищение не сделало ничего, чтобы улучшить его восприятие этих людей, их образ только ухудшился из-за этого. Как оказалось, после того, как Финн исчез из их жизни, они, в частности, смогли получить небольшую прибыль на протяжении многих лет. Благодаря своим сосредоточенным усилиям они смогли заставить себя погасить огромную сумму долгов, позволив одному из них продержаться на работе несколько месяцев. Возможно, это были самые счастливые времена в их жизни, но их испортили только какие-то сборщики долгов, пронюхавшие о том, что у них есть стабильный источник дохода. Они были установлены достаточно быстро, двух попыток самоубийства было более чем достаточно, чтобы удвоить их предыдущий долг.

Это было то, на что любой посмотрел бы свысока. Даже когда он был частью сообщества, Трой не мог избавиться от ощущения, что некоторые из этих людей были там, потому что это была их собственная вина. Конечно, они просто недостаточно усердно работали. Их жизненная позиция полностью основывалась на их собственных действиях!

...

Это действительно не сработало. Никто этого не хотел, но некоторые все же получили это, родившись в жизни, которую ни один человек никогда бы не захотел иметь. Трой до сих пор помнил все эти визиты властей после того, как прошла первая большая волна новоприбывших. Это было после того, как появилось новое законодательство, и это стало результатом опубликования некоторых причудливых цифр. Содержание людей в тюрьме, по-видимому, вредно для экономики, а освобождение их с помощью монетарных мер обходилось государству гораздо дешевле.

Те, кто жил нормальной жизнью только для того, чтобы оказаться в тюрьме не по своей вине, и быть просто брошенными в маленьком доме с долгом, достаточно большим, чтобы свернуть им шею, восприняли это совсем не легко. Прошло целых два дня, прежде чем была предпринята первая попытка, удивительно долгий срок для ребенка. После того, как первый попытался потерять немного крови, вокруг начали появляться коты-копии. Некоторые пытались проявить немного изобретательности, каким-то образом ломая себе шеи, пытаясь спровоцировать драку или просто пытаясь выпить чистящие средства. Каждый из них не был близок к смертельному исходу, какие бы повреждения ни были нанесены, они устранялись в течение нескольких минут. Радиостанцию даже вывели на улицу на несколько недель, просто чтобы убедиться, что никто не добьется успеха. Правительство знало, что они делают, понимало, скольким жизням они угрожают.

И эти ублюдки делали все это с улыбкой на лице. Население в целом не понимало, что именно произошло, когда тюрьмы были опустошены. Улыбки на лицах заключенных были лишь краткими, появляясь на их лицах только до того, как они поняли, что на самом деле их освобождают не полностью. Бары, в которых они содержались, только что получили новое название.

Люди, составлявшие средний показатель, масса, состоящая почти из всей рабочей силы, воспринимали все это как нечто такое, чему можно радоваться, что нужно немедленно отпраздновать. Эта группа была настолько погружена в свои мысли, что не могла понять, насколько это плохо для других. Любые высказанные возражения сопровождалась критикой. Как внешняя жизнь может быть хуже тюрьмы? В этом не было никакого смысла. Свобода была лучше всего на свете. Ограничение этого было хуже самой смерти.

Правительство было настолько хорошо, когда дело доходило до того, чтобы выглядеть хорошо. Власть должна была выглядеть как можно более позитивно, и люди, скрывающиеся за этим фасадом, были мастерами поддержания этого уровня. Они выглядели безупречно, каждый их шаг заставлял цветы расти в грязи. Птицы приветствовали бы их песнями, люди восхваляли бы их, а владельцы бизнеса раздавали бы свое богатство политикам на самом верху.

Некоторые говорили, что мир построен на шариках. Трой считал, что это ближе к коррупции. Местные представители, возможно, и не отличались ущербной моралью, но у тех, кто был дальше по служебной лестнице, были другие обстоятельства. Никто не мог подняться по этой конкретной лестнице. Политика можно было только подтянуть, или его можно было вышвырнуть. Компании платили тем, кто был сверху, за продвижение тех, кто хотел уменьшить ограничения для бизнеса, а те, у кого было что-то еще, были вынуждены заполнить недостающие нижние места размещения.

Все, что имело для них значение, - это прибыль, сколько денег они могли бы на этом заработать. Не было никаких мыслей о причиненной боли, о жизнях, которые она разрушит. Все, что имело значение, - это денежная выгода, и отмена небольших тюремных сроков была самым выгодным, что можно было сделать.

Это привело нас обратно к исходной точке. Взрослые, оставшиеся в ситуации долга, полные ненависти к себе и желающие сбежать от своей жизни, не должны были быть обвинены в той жизни, которую они прожили, потому что они ничего не могли сделать, чтобы когда-либо избежать этого. Они могли бы измениться как люди, если бы с самого начала были плохими, но это ничего бы не изменило в их жизни.

Кто был виноват в этой неспособности двигаться дальше по жизни? Не было никаких имен, которые Трой мог бы назвать, никаких людей, на которых он мог бы указать и окончательно

сказать, что все это произошло. Люди, стоявшие за всем этим, находились в тени, у них никогда не было никаких причин публично заявлять о себе. Были видны только те, кто представлял этих людей, и это были политики, которые вели себя так, как будто они принимали решения.

Рана была настолько глубокой, насколько Трой мог достать своим острием, единственной законной целью, на которую мог нацелиться его примитивный ум. Именно люди во власти были виноваты во всех ужасных вещах, они поощряли систему, которая только ухудшала положение тех, кто находился внизу. Возможно, это была система, которая принесла пользу многим, но почему немногие должны были испытывать постоянную боль, чтобы сохранить ее? Были лучшие способы структурировать общество.

Лучшие способы, к которым у тех, кто наверху, не было никакого интереса. Они просто выполняли приказы тех, кто был в небе, и действовали так, как будто это была величайшая цель в мире. Трой сомневался, что они действительно были ослеплены своей жадностью, находясь ближе к ним, точно зная, что они делают, и просто совершенно не заботясь об этом.

Таким образом, можно смотреть на ситуацию, просто видя людей как цифры на листе бумаги. Трой не мог понять, как они могли жить в ладу с собой, как они не имели непосредственного опыта того, насколько хороши медицинские услуги.

С того времени, когда он, наконец, начал понимать, его уважение к любой авторитетной фигуре резко упало. Все это заставляло его стискивать челюсти, сдерживая себя от того, что было явным оскорблением. Люди, стоящие у власти, не были хорошими, и они не должны были быть там с самого начала. Это не всегда было правдой, но для тех, кто находился в высших эшелонах власти, это было почти законом.

Это делало сохранение постоянной работы практически невозможным, и все же молодой человек не хотел держать этот менталитет в секрете. Жить во лжи ради достижения успеха - это не то, к чему кого-либо когда-либо следовало принуждать.

И уж точно не было ничего, что заставляло Троя вести себя так соответственно сейчас. Это был его собственный выбор, он не хотел возвращаться в адскую дыру, из которой ему не следовало выбираться. Если бы он слишком долго был без работы, его долг вырос бы слишком высоко, и он вернулся бы в дом, который напоминал бы ему о его детстве.

"Иди быстрее. Вы замедляетесь, - скомандовал доктор Хейл.

"Конечно, мадам", - ответил Трой, ускоряя шаг. Скоро они доберутся до кафетерия. В конце концов, это был его выбор. Следовать за тем, кто, казалось, понял больше, чем он.

<http://tl.rulate.ru/book/81391/2599042>